
Отзыв Ирины

Хочу поделиться своим впечатлением от поездки в Венгрию с целью стоматологического туризма. О таком виде туризма я прочитала в вашем журнале «Вестник медицинских услуг» сначала в № 3 за март 2011, а потом № 6 за июнь 2011, когда я уже приняла решение воспользоваться этой услугой. До этого проблемой с лечением зубов я занималась с 2007 года: обращалась в разные клиники, но лечение в них никакого положительного результата не давало. Более того, процесс лечения принял непрерывный характер. Врачи постоянно все переделывали, от их вмешательства страдали и соседние здоровые зубы. Я искала хорошего специалиста в области стоматологии, особенно протезирования, и никак не могла его найти. С этой целью и обратилась в [...], предоставив панорамный снимок своих зубов. Уже через две недели я имела план лечения от трех стоматологических клиник Венгрии, в том числе от «ВаргаДент». Нужно сказать, что именно этот план лечения был самым понятным и четким: составлен на русском языке, содержал три этапа лечения на отдельных листах, в которых были прописаны объемы работ каждого этапа и оплата за них. Но именно его я сразу решительно отвергла, так как концепция лечения полностью не соответствовала той, которой я придерживалась ранее (но думаю, что не только одна я, но и большинство наших граждан). Дело в том, что, сколько я себя не помню, любой свой зуб и нерв я старалась сохранить до последней возможности. Это еще было связано и с тем, что врачи говорили, что у меня нет показаний к установке имплантов, а стачивать соседние здоровые зубы мне не хотелось. Петер Варга предложил удалить 7 зубов, вживить 6 имплантов, и поставить на их месте три моста с 9 зубами, а также 3 циркониевые короны на другие зубы без имплантов. Из тех 7 зубов (все коренные) один был совершенно здоровый, три запломбированных и пролеченных. Какое-то время я продолжала искать других врачей, но к пониманию с ними не приходила. Странное дело, вроде бы и говорим на одном языке и живем в одной стране, но никто ничего вразумительного мне ответить и сказать не смог: врачи настаивали на том, чтобы я начала у них лечение, а потом они уже будут решать, что мне смогут и что не смогут сделать. Были и такие моменты:

- В одной дорогой и уважаемой клинике врач так заботился о моих зубах, что одну пломбу переделывал по три раза, ничего не оставляя от зуба, говоря, что ему обязательно надо пролечить под ним корень. У зуба был небольшой скол. Он зачем-то удалил нерв и три раза непонятно от чего лечил корень. Я спрашивала несколько раз, от чего Вы его лечите, ведь меня ничего не беспокоит. Он не смог объяснить и отвечал – так надо. Первоначальный план лечения (пломба за 2 тыс. рублей, которую он обещал поставить сразу) растянулся на две с половиной недели с оплатой в общей сумме 15 тыс. рублей. Этот врач у меня вызвал недоверие, а зуб, после его лечения через два года разрушился без возможности восстановления. Понятно, что дальнейшее лечение у такого врача я прервала в одностороннем порядке, несмотря на предварительную договоренность последующего лечения, оставив его одного со своими химерами относительно моих зубов и тех средств, которые он хотел с них получить.
- Был врач, который предлагал мне на место одного зуба вживить два импланта. Я не поняла, как они туда поместятся. Это равносильно тому, что, если бы человек лишился безымянного пальца, то ему на это место установили бы протез с двумя пальцами вместо одного. Такой монстр. И некрасиво и неудобно. Зачем я сама себе соглашусь установить такую аномалию?
- Другой врач, в клинике которого мне ставили и ранее хорошие пломбы (ну, конечно, по нашим меркам!) и который вызывал у меня доверие, был курящим. У меня непереносимость на табак, и даже на осмотре я не смогла спокойно сидеть. Что бы было при операции. Хотя ему казалось, что покурил он давно и все уже проветрилось.

• На месте отсутствующего верхнего зуба с правой стороны, где мне предлагали установить два импланта вместо одного, был нормальный зуб, но заболел. Для его лечения я обратилась к врачу, считающемуся лучшим в одной из хороших клиник нашего города. После лечения этот доктор заявил, что пломбу он поставил прочную, она сколько угодно простоять может, но зуб не продержится и года, потому что десны и каналы у меня такие слабые, каких он никогда не видел и какие бывают только у детей на молочных зубах. Далее врач сказал, что практикует еще и частным образом и приглашал обращаться к нему напрямую, минуя клинику. Я, конечно же, этого делать не стала. Не прошло и года как мне пришлось обратиться в другую клинику к другому врачу с другим вопросом. Молодая женщина, потомственный стоматолог, работает в семейной клинике, в которой я лечилась лет 10 назад до этого обращения и претензий не имею. Осмотрев мой рот, она первым делом спросила:

- А почему у вас одна пломба стоит? А где сам зуб? Странно.

Я-то до этого думала, что у меня все в порядке с тем зубом и предсказанию доктора не суждено сбыться. Ну как им все это удастся?

• Был еще давнишний случай, когда по большому знакомству я обратилась в областную стоматологическую поликлинику с острой болью в коренном зубе. Врач стала сверлить зуб, вскрыла его весь и обнаружила, что он здоров, а она ошиблась. Пришлось удалять нерв и ставить пломбу на весь зуб. Зуб фактически пропал. Затем она меня направила сделать рентгеновский снимок, по которому выявила больной зуб. По той же схеме залечила и его. Я за все заплатила и даже не могла возмутиться – ведь по знакомству же.

• На коренном зубе с левой стороны нижней челюсти у меня смолоту было небольшое коричневое пятнышко диаметром не более 2 мм. Еще в начале 90-х годов прошлого века я обращалась к специалистам узнать о его природе и происхождении. Пожилая женщина, доктор с большим опытом мне подробно разъяснила, что это не кариес, что пятно не болезненного происхождения и что слой эмали над ним не нарушен. С этим убеждением я прожила почти 20 лет, пока не попала в одну разрекламированную сейчас в городе клинику по поводу лечения соседнего с этим зуба. Врач ничего не стал слушать о его истории зуба и о мнении своего более опытного коллеги. Он распахал мне весь зуб, удалил нерв, умудрившись сломать стенку, противоположную той, где было это пятнышко, и задеть далее стоящий от разрушенной стенки соседний зуб, который тоже стал потом пломбировать. А тот зуб, находящийся у стенки с пятнышком, с которым я первоначально пришла на прием, попросту удалил. Лечение не соответствовало тем завышенным ценам, которые пришлось заплатить за лечение этих зубов. Да и лечением это назвать нельзя. Не прошло и двух лет, как они разрушились по частям и подлежали полному удалению.

• Самый ранний зуб, которого я лишилась – небольшой нижний коренной – был удален очень давно. Врач была в плохом настроении, сначала стала его лечить, а потом у нее что-то не получилось, она пришла в раздраженное состояние и просто его вырвала с корнем без наркоза. Я никак не могла поставить на его место другой зуб. Врачи, к которым я обращалась, настаивали на том, что ставить нужно только мост (по старой советской технологии, причем сам зуб делать только из металла для прочности и лучше этого в мире еще никто ничего не придумал, убеждали они меня). У тебя, говорили они, соседние зубы все равно скоро разрушаться, лучше будет, если мы их тебе укрепим. Хотя все мои родные и близкие люди старшего поколения, которые имели проблемы с зубами, пользовались только нашими методами лечения, ставить мост на основе стачивания здоровых соседних зубов я категорически не хотела. И правильно делала. Давно прошли сроки всех их предсказаний, а те зубы у меня целы до сих пор и еще долго простоят без их заботливого лечения по самой лучшей их технологии.

Делая вывод, можно сказать, что процесс лечения зубов, принял у меня непрерывный характер, не давал никакого результата и не имел перспектив. Мне же требовалось совсем другое – иметь хорошие зубы, а не заниматься постоянно их бесконечным лечением. И я решилась.

В один прекрасный момент, где-то более, чем через месяц от дня получения планов лечения от стоматологов Венгрии, я твердо решила принять план лечения Петера Варги, рвать все зубы, на которые он указал и поставить на их месте новые. Хотелось, конечно, все сделать за один раз, но пришлось внять благоразумию и согласиться на три этапа.

Этап 1 : удаление 7 зубов за два месяца до второго этапа.

Этап 2 : вживление 6 имплантов.

Этап 3: установка корон, отбеливание (через шесть месяцев после второго этапа). Все это вместе называлось – сделать «голливудскую улыбку».

Этап 1.

Созвонившись с доктором, было решено, что для удаления приезжать необязательно. Это элементарное действие, которое выполнить можно и на месте. Главное – соблюсти сроки – за 2 месяца до имплантации, которая была назначена на последнюю неделю сентября этого года. С фактом удаления обозначенных зубов были связаны и такие мероприятия как покупка авиабилетов и открытие визы. Поэтому в поликлинике я настаивала, чтобы мне удалили все 7 сразу и в тот срок, который был оговорен с Петером Варгой. Чтобы этого добиться мне пришлось пережить целую войну. Хирург на приеме удалил мне только один зуб и сказал, чтобы я приходила, когда все заживет. По его методике лечения выходило, что на удаление 7 зубов у меня уйдет более месяца. Это для меня было совершенно недопустимо. Все препятствия со стороны хирурга, конечно же (по его мнению) имели благую цель – заботу о моем здоровье. Я решила доказать, что предпочитаю график лечения Петера Варги и намерена его придерживаться. Тогда хирург стал придирается к моему полису. Пришлось обратиться в надзорную инстанцию за разъяснениями, потом выходить на главного врача поликлиники, так как мой полис был в порядке. Кроме того, я перечисляла средства в Фонд медицинского страхования 19 лет с каждой зарплаты, причем зарплаты немаленькой, и при этом почти никогда не пользовалась медицинскими услугами, за исключением 5-6 больничных, связанных с сезонными простудами. Я считала, что вправе по полису воспользоваться услугой по удалению 7 зубов именно в том порядке, в котором мне рекомендовано одним из лучших европейских стоматологов. В случае отказа я была намерена написать жалобу, что грозило поликлинике проверками с возможным дальнейшим урезанием финансирования. Главный врач по лечебной части после просмотра моего плана лечения направила меня опять к хирургу, обещая с ним поговорить. Хирург как хирург был не плохим специалистом (опять же по нашим меркам), но в моем случае оказался очень строптивым. Он спорил даже с главным врачом и яростно сопротивлялся. В этот день (был четверг) он мне удалил только 5 зубов с правой стороны (2 вверху, 3 внизу), а 2 зуба с левой стороны оставил назавтра. Чтобы достичь такого результата, мне пришлось выдержать целый бой. В мой адрес были сказаны даже такие слова: что я не выдержу и умру от внутреннего кровоизлияния, потому что нельзя удалять столько зубов за один раз. Он даже грозил вызвать бригаду (видимо из психбольницы), если я буду настаивать.

Спрашивал: «Почему Вы не хотите протезироваться у нас? Это гораздо дешевле обойдется». Я была непреклонна. Место, где подряд были удалены три зуба (один из них зуб мудрости, который подлежал удалению, а два другие запломбированные, но некрасивые) с правой стороны нижней челюсти, он зашил нитками, которые потом сами растворятся. Я спросила: «В какое время?». Он ответил: «А когда Вам нужно ехать?». «В конце сентября». «Вот к этому времени». Был конец июля. Выходило почти два месяца. В действительности к вечеру понедельника (на четвертый день) их уже не было. Сам шов был выполнен грубо через край, как у холщового мешка для

картошки, а между частями десны торчали участки тканей, как петушиные гребешки, которые потом так неровно и окостенели. Был момент, когда ко мне в душу закралось сомнение: правильно ли я поступила, выбрав план Петера Варги? Может быть, надо было остановить свой выбор на плане кого-то из других врачей и не удалять сразу столько зубов? Но отступить было поздно. Половина победы уже одержана.

На следующий день у меня был отек правой щеки и подбородка, но очередь на удаление зубов я заняла раньше всех. Увидев меня в очереди первой, хирург никак не хотел начинать прием и задержал его больше, чем на час. Все повторилось по сценарию предыдущего дня: были и угрозы, и споры, и попытки отослать меня до тех пор, пока не заживут десны на правой стороне и даже мольба не дергать зубы, а пожалеть свое здоровье. В этот день я даже уловила от него запах спирта и почувствовала нетвердость руки при уколах, а с дозой этих уколов явно было переборщено. У меня заморозилось все: и язык, и даже верхняя челюсть, кроме требуемой нижней. Сделали мне их в 14 часов, но до 22 часов они давали о себе знать, так что я ничего не могла больше делать, как лежать на левой стороне, прижавши к щеке ладони. Накануне, когда удаляли пять зубов с правой стороны, заморозка отошла намного легче. Я спросила его об отеке правой стороны лица, он ответил, что не хотел удалять те зубы и добавил (хором со своей помощницей), чтобы я с этим вопросом обращалась к главврачу, которая его вынудила на это. Далее сказал, чтобы я приходила, когда у меня заживет правая сторона и пройдет со щеки отек. Сами десны меня не беспокоили. Я ответила, что у меня уже все зажило. И продолжала бой за возможность протезироваться у хорошего европейского врача. Более всего нашего хирурга возмущал вопрос о том, почему сразу, в один день удалять зубы? Он настаивал на том, что этого быть не может, и что я неправильно поняла, и что врач этого сказать не мог. В какой-то момент я опять засомневалась, но, как показало время, совершенно напрасно.

В последнюю пятницу июля 2011 года я удалила последние 2 зуба из 7, одержав полную победу в тяжелом бою. Десны стали заживать, а я уже могла покупать билеты на самолет и открывать шенгенскую визу. В конце августа мне опять пришлось обратиться к тому же хирургу. У меня был вопрос о десне, и я хотела проконсультироваться с парадантологом, но в регистратуре меня направили к тому, кто удалял зубы. На правой стороне нижней десны, где он удалил три корневых зуба подряд, на месте зуба мудрости возник небольшой мягкий нарост. Я спросила о его природе. Оказалась киста, «которая бывает сплошь и рядом, а у меня почему-то вышла наружу» и которую он сразу же и срезал ножницами совсем безболезненно. Посмотрев на мои десны, вынес вердикт: «Удивительно, как все зажило». То, что у меня все быстро заживет, я знала с самого начала. Не понимаю, как этого не мог не знать врач. И зачем было чинить мне столько препятствий на пути к «голливудской улыбке»?

Этап 2.

Готовясь к имплантации, я изучила много материалов по работе стоматологических клиник и ознакомилась с отзывами по интернету. Делала заметки и выводы, рассматривала возможные варианты исхода операции, старалась отделить реальность от рекламы и выработать для себя правильную всестороннюю концепцию по этому вопросу. Я настраивалась, готовилась, выделяла для себя вопросы, на которые хотела получить ответ от врача до операции по имплантации. Готовясь к поездке, я решительно настроилась на главную цель – лечение зубов – и была готова посвятить этому мероприятию все время, все силы, не отвлекаясь ни на что другое. Когда слышала советы о других приятных моментах этой поездки, то думала, что меня просто сбивают с толку. Все было абсолютно естественно, принимая во внимание весь мой прошлый опыт по лечению зубов в нашей стране. Я же не знала, что будет так, как будет.

Небольшая задержка произошла в Домодедово. Работники аэропорта стали тормозить мой вылет, сопоставив билет до Вены и шенгенскую визу, открытую Венгерским посольством. Само собой

разумеется, они действовали мне во благо. Конечно, это понятно, что город, где находится клиника Петера Варги ближе к Вене, чем к Будапешту, и что в аэропорту меня будет ждать шофер с машиной, который сразу доставит до места, - но как я все это объясню на австрийской границе? Я ответила, что шофер меня поддержит (хотя не могла быть уверена на 100% в том, что он меня вообще встретит, и хорошо это понимала). Но работники Домодедова не сдавались – ведь объясняться мне придется до того, как меня пропустят в зал, а я не знаю немецкого языка. Я не спорю, что не знаю немецкого языка. Но я имею большой опыт путешествий, в том числе по международным аэропортам, и моя интуиция подсказывала мне, что объясняться с ними будет намного легче, чем с нашими, даже при языковом барьере. Это мое предположение впоследствии полностью оправдалось: меня вообще никто ни о чем не спрашивал. Мой чемодан из багажа появился третьим, сразу у выхода среди встречающих стоял шофер Петера Варги с названием его клиники на табличке, которую он держал в руках. Мы сразу сели в машину, первыми покинули аэропорт и благополучно прибыли по назначению.

Поселили меня в отдельном домике, который архитектурно был соединен с клиникой другими жилыми помещениями. Я приехала, когда уже стемнело. Домик состоял из четырех помещений: прихожей; комнаты с кожаным диваном, большим столом, покрытым белой скатертью, и кухонным гарнитуром со всей необходимой утварью; душевой и отдельной спальней. Белая скатерть была обвязана белым кружевом ручной работы. Посмотрев на нее, я сразу вспомнила детство – в доме у бабушки все было обвязано таким же белым кружевом. От этого воспоминания мне сразу стало особенно уютно.

Следующий день был воскресеньем, и клиника не работала. Когда я проснулась, стоял уже ясный теплый солнечный день. Для полной идиллии захотелось услышать пение петуха. Был конец сентября. Температура все время моего пребывания держалась 26 градусов тепла. Настоящий бархатный сезон. Мне предстояло провести здесь десять дней. Сразу захотелось выйти на улицу. Город был небольшой, и я быстро его весь обошла. В парке у католического храма собирала каштаны, которые падали с деревьев, а около своего дома – грецкие орехи. До этого я никогда не видела, как растут и падают с деревьев ни те, ни другие. Вдыхая чистый воздух этого курортного городка, я похвалила себя за выбор, что предпочла его столице. По дороге мне все-таки довелось услышать пение петуха и не одного. Все желания сбылись. По всему городу вдоль уютных домиков и ухоженных прилегающих территорий проходили велосипедные дорожки. Рассматривая необычные элементы декора, я остановилась у двух пеньков, сруб которых был разукрашен в виде симпатичных кошачьих мордочек с выструганными ушами. Ко мне сразу же подошел хозяин. Я спросила, не поменяет ли он мне евро на форинты (банки не работали). Он сказал «нет». Затем я спросила, может быть, он меня покормит за евро. Было уже 15 часов дня по нашему времени, и я проголодалась. Пообедать за евро оказалось не проблемой. Подарком было то обстоятельство, что хозяин заведения «Белая лошадь» понимал по-русски и имел меню на русском языке, которое было довольно объемным и разнообразным. Заказала все, что хотела: салат, суп, второе, сладкое, два апельсиновых сока, воду, кофе. Съела столько, сколько убралось – больше не поместилось бы ни глоточка. Счет («билл») был на несколько тысяч форинтов. Заплатила 15 евро. Также на евро купила в магазине всякой всячины. Хотелось все попробовать: и колбасы, и сыры, и фрукты, и выпечку, а также их соки и разные напитки.

На следующий день, проснувшись, после того, как хорошо выспалась, не глядя на часы в сотовом телефоне, который разрядился с утра, я стала не спеша накрывать на стол, выставляя тарелки с разными продуктами, которых у меня было в изобилии. Особенно вкусным оказался арбуз, нарезанный кусочками. Его я съела всю тарелку. Между длительным завтраком, растянувшимся на два с лишним часа, я приняла душ, тщательно заправила кровать, не спеша собиралась. Отобрала и перемыла посуду, которой решила пользоваться во время своего пребывания. Когда стала вытирать ее, у одного фужера отломил край. И долго решала, выбросить его или оставить. Проходя мимо окна, перед которым стоял большой плетеный сундук (в него я запрятала свой

пустой чемодан), я увидела, что на площадке перед домом стоит не одна машина, как накануне, а пять. Подумала, наверное, приехали новые жильцы. Я продолжала неспешно собираться до того момента, когда услышала стук в дверь. Открыв дверь, я высунулась из-за нее головой в чалме из полотенца и увидела доктора Петера Варгу – точь-в-точь таким, каким видела его в интернете на его сайте. Быстро поздоровавшись, говорю «момент, сейчас приду». Увидев меня несобранной, он засмеялся, показывая рукой и говоря «5 минут». Понять можно по-разному: или на 5 минут, или через 5 минут. Оставив вопрос открытым, я стала собираться так быстро, как только могла. В какой-то момент я подумала: а в армии учат, чтобы через две минуты одеться и накрасить глаза? Пришлось резко сократить мероприятия по сборам, одеть то, что не мнется, а волосы только расчесать, а не сушить. Очень хотелось надеяться, что на все это ушло еще не более получаса. Для меня это наилучший результат и то лишь благодаря тому, что накануне вечером все вещи были разложены и развешаны по местам.

Я пришла в клинику с внутреннего входа, который был напротив моей двери, решив не обходить весь дом с другой стороны. Клиника состояла из приемной и двух врачебных кабинетов. Доктор мне сразу же предложил сделать снимок. Рентген сопровождался изумительной музыкой.

На своем компьютере доктор смотрит снимок, потом мои зубы. Говорит, что еще залечит один зуб. Переводчик переводит, как умеет. Я понимаю так, что сегодня мне залечат только один зуб. Затем меня пригласили в приемную и предложили подписать соглашение о лечении на каждом листе и ответить на вопросы анкеты о состоянии своего здоровья. Перед этим дали проглотить штук пять капсул и таблеток. Я в недоумении стала отказываться. Зачем пить столько таблеток из-за одного зубика? Меня уговорили, и я все таблетки проглотила. Условия лечения были расписаны много подробней, чем те, которые мне доводилось подписывать в наших клиниках. Я читала, исправляла некоторые буквы, некоторые разделы пропускала, задавала вопросы. Я еще не знала, будут ли отклонения в лечении от предварительного плана, который был направлен мне по электронной почте и составлен на основе не совсем качественного панорамного снимка; позволяют ли соседние зубы устанавливать мне импланты; нет ли других противопоказаний для их установки и другие. На все получала положительные для себя ответы. По сути меня касался больше всего пункт о вреде сладкого в послеоперационный период – и я решила, во что бы то ни стало не препятствовать медицине, а четко его соблюдать. Далее на меня надевают халат, шапочку и провожают в кресло. Мне стало неловко в таком наряде, когда я увидела свое отражение, проходя мимо зеркальной стены. Точного времени и порядка проведения операции я тогда еще не знала.

На кресле мне тоже не говорят, зачем меня сюда привели. Я все еще думаю, что будут лечить один зуб. Однако, спрашивают о вопросах. Первый свой вопрос: Через сколько времени будет действовать заморозка? (такой простой для нас, правда?) удается растолковать с третьей попытки и то в ходе дальнейшей беседы. Сначала переводчик не понимает, что такое заморозка. Говорю ему, что это обезболивание, анестезия, и что в России это более распространенное слово, когда касается зубов. Как такое не знать? Далее мне отвечают, что через два часа она пройдет. Мне непонятно, с какого момента вести отсчет времени. Опять спрашиваю, с какого времени после укола начнет действовать анестезия? Уже по буквам и по слогам объясняю суть вопроса. Хочется узнать на него ответ. Наконец-то меня понимают:

- Сразу.
- Как сразу? Прямо сразу? Сам доктор отвечает:
- Сразу после укола.

Вспоминаю очередь в нашей поликлинике, когда тебе делают укол и отправляют в коридор ждать начала его действия. После тебя делают укол еще 20 человекам, после чего в той же последовательности всем начинают удалять зубы. Им этого не понять, как может анестезия действовать не сразу, и как можно заниматься кем-то другим, когда еще с одним пациентом все не

закончено. И такое непонимание между нами началось с первого вопроса. И дело совсем не в переводчике.

Еще я спрашивала, будет ли больно? Также пришлось переспросить несколько раз. Меня не смущало, что речь идет об имплантации. Я думала, просто поговорим, а лечить-то будем сегодня один зубик. Я вспоминала все ранее услышанные случаи, Петер Варга руководствовался своей практикой. Спрашиваю о возможных последствиях самых впечатливших меня историй:

- И даже десны болеть от имплантантов не будут, когда наркоз отойдет?

- Что совсем не буду ничего чувствовать?

- Правда?

Петер Варга отвечал через переводчика:

- Правда.

- Именно поэтому вы сюда и ездите.

- Если будет хоть что-то чувствовать, пусть откусит мне палец.

Он заверил меня, что чувствовать я буду только укол анестезии, а вся операция продлится не более полутора часов. У меня заканчиваются вопросы (когда еще она будет эта операция). Переводчик уходит ждать в приемную. Мое лицо покрывают большой салфеткой с отверстием для рта. По этой салфетке и другим приготовлениям я осознаю, что именно сейчас и состоится эта самая операция. (При первой встрече с доктором, без всяких волокит и проволочек. Разве в такое можно поверить? Мне процесс удаления 7 зубов хотели растянуть на два месяца.) Особенно меня напугала салфетка с прорезом для рта. Я на миг представила все самое ужасное с массой крови и невыносимой болью, что приходится скрывать от людей. Глаза и руки у меня спрятаны все под той же салфеткой. Это состояние я не выдерживаю. Мычу, сопротивляюсь, как могу, объясняю и высвобождаюсь на свободу:

- Момент.

Мне предоставляют этот момент. Помощница доктора меня провожает до туалета. Но я сначала сворачиваю направо в холл, куда отправился переводчик ожидать окончания операции. Он удобно расположился в кресле и читал журнальчик, не ожидая меня увидеть. Я настроена решительным образом и высказываю ему все, что меня волнует:

- Я морально совсем не готова. Меня никто не предупредил, что это будет сегодня. Я даже не знаю, сколько сейчас времени.

Тут я осознаю ясно и доходчиво, что те машины под окном принадлежали персоналу клиники. Что, когда я была в душе и слышала стук в дверь, не придав ему значения, подумала, что показалось, в действительности мне не показался. Что, когда потом приходил Петер Варга и показал рукой «5 минут», это надо было воспринимать не «на 5 минут», а через «5 минут». И что, когда я, наконец, пришла, сам доктор, переводчик, три человека персонала ждали именно меня и только меня и ждали давно. Эти мысли не принесли мне успокоения. Меня стал мучить вопрос, который требовал немедленного ответа: должна ли я извиниться за то, что меня так долго ждали столько человек. Но мне ведь никто не назначал конкретного времени. Тут я продолжаю изливать свое волнение:

- Я сейчас совсем не настроена... Я вчера расслабилась, как на курорте, и не ожидала, что сегодня прямо с утра начнут делать. Надо было меня предупредить. Я тогда хотя бы арбуз с утра не ела.

Меня слушали. Переводчик что-то переводил. Мне немного полегчало, но не совсем. Второй раз меня провожают в кабинет. Вхожу, уже осознавая, что именно сейчас мне предстоит операция по

имплантации зубов. Второй раз меня приглашают опять сесть в то же кресло. Делаю все, что от меня требуют.

- Только не закрывайте мне глаза. Я боюсь, когда у меня глаза закрыты.

Петер Варга берет ножницы и делает в салфетке прорезь, через которую у меня открыт не только рот, но и нос, и глаза.

Укол действует моментально. Все абсолютно безболезненно. Начинают с правой верхней десны. Я стараюсь открыть рот как можно шире, вспоминая требования наших врачей. Доктор замечает мое усилие:

- Не надо. Спасибо.

Меня раздражает звук сверла. Я его не ощущаю, но слышу ухом. Он очень неприятный – как будто царапают монотонно и громко железкой по стеклу. Но продолжается это не долго.

Доктор спрашивает, все ли в порядке. Жестом рта показываю, что мне хочется сплюнуть. У меня началось обильное слюноотделение, которое мне мешало. Я не могла сглотнуть слюну с открытым ртом. Его помощница стала всасывающей трубкой избавлять меня от выделяющейся слюны, как и от крови, которая шла во время хирургического вмешательства в мои десны.

Я еле сдерживала язык, который все норовил нащупать сверло и дотронуться до него именно в тот момент, когда оно работало

Далее в стиле Михаила Задорного меня увлекает мысль по поводу стерильных салфеток и одежды. Я, как пациент, была во всем стерильном и одноразовом с головы до ног. Тут надо подчеркнуть именно «до». Не говорю о персонале. Всех мне было не видно, но не сомневаюсь, что это так. У хирурга мне были видны только глаза. И ручка лампы, за которую он брался рукой в перчатке во время операции, тоже была обернута салфеткой, как и шнур оборудования, которым меня оперировали. Предусмотрено все, кроме тапочек – синих бахил. Я даже одни привезла с собой, так на всякий случай, но которые в этот раз не прихватила. Нет, это понятно, что у них тротуары на улицах чище полов в наших поликлиниках. Но все-таки интересно. На меня не надели только синие целлофановые тапочки. У нас все наоборот. В душе я над этим моментом сильно смеялась. Разные забавные мысли приходили мне в голову. Неужели наши клиники больше прибыли получают от продажи тапочек, чем от лечения. У меня перед глазами были только лампа, голова доктора, орхидеи на окнах и свои ноги. Когда взгляд останавливался на ногах, я опять вспоминала про тапочки, и было смешно. А Петер Варга в это время уже старательно и аккуратно зашивает мне верхнюю десну.

Не прерываясь, он приступает к правой нижней десне. Все по той же схеме: укол, вживление двух имплантов, зашивание швов. У меня устают челюсть, мне хочется закрыть рот и отдохнуть. Доктор работает виртуозно, он намерен выполнить всю обещанную работу сразу. Понимаю, что мой отдых у него не предусмотрен, он и так слишком затянулся с утра. В какой-то момент, когда он отворачивается к столику с инструментами, я просто закрываю рот. Не могу больше. Рот устал. Даю себе немного передохнуть. Он ждет.

Когда вживляли два последние импланта на левой нижней десне, меня уже ничего не беспокоило и не волновало. Я спокойно лежала, пригревшись в кресле под стерильной одеждой, надетой поверх моего платья. Мне было очень уютно, спокойно, тепло и хорошо. Обильное выделение слюны меня уже не беспокоило, языком до работающего сверла дотрагиваться не хотелось, тапочки отложились в памяти в виде анекдота, рот не уставал быть открытым, а звук сверла, раздражавший меня на первом участке работы, звучал мурлыканьем ласкового котенка. Укол

анестезии разделен на шесть частей: три с одной стороны, три с другой. На четыре укалывания никак не реагирую. На пятом пишу. Врач говорит:

- Ничего, сейчас последний.

На шестом тоже попискиваю. И он оказывается действительно последним. Далее, уже знаю, что все будет совершенно безболезненно. Уже дважды имею собственный опыт. Усилием воли заставляю себя серьезнее относиться к происходящему. Мысленно несколько раз читаю коротенькую молитву. Вживляя один из последних имплантов, врач решил мне его перед этим показать. По размеру ну чисто шуруп 0,5 длиной от одного до полутора сантиметров. Я представила эти гвозди у себя в челюсти, и мне стало не очень хорошо.

Врач был доволен своей работой. Оперировал он меня в пределах часа. Все заканчивается, как и начиналось, рентгеном. В кабинке звучит все та же изумительная музыка. Десны под действием укола не управляемы. Во время снимка одна сторона рта сдвигается. Появляется улыбающийся Петер Варга и говорит, что все очень хорошо. Далее идем в холл, где ждет переводчик. Меня с новой силой стал волновать вопрос о том, должна ли я извиниться за то, что им пришлось меня так долго ждать? Но ведь меня никто не предупреждал и не назначал конкретного времени. Пока я решала для себя эту задачу, прошло еще минут сорок (хотя во времени я в тот день ориентировалась не по минутам и даже не по часам, а по временам суток: день - ночь). Внешне я участвовала в разговоре. Доктор наглядно разъяснил и показал на макете суть моей операции, что мне было сделано. Говорил о важности ухода за зубами для поддержания хорошего результата лечения. Говорили через переводчика.

- А как ухаживать? Я знаю только, что зубы надо чистить и полоскать. А что еще?

- Этого достаточно.

Далее мне рекомендуют весь день сегодня и завтра лежать со льдом на щеках, чтобы не было отека. Завернуть лед в полотенце, чтобы не было очень холодно, и менять его, держа запас в холодильнике.

Врач дает несколько упаковок разных таблеток и составляет график их применения. Я протестую:

- Я за всю жизнь столько не съела.

И это чистая правда (ведь капсулы для похудения не считаются).

Врач настаивает на важности приема всех таблеток, объясняет их действия, описывает схему приема на сегодняшний вечер и на другие дни. Подчеркивает особенную важность Augmentin Duo:

- Их нужно принять все обязательно.

Дает жидкость с ментолом для полоскания зубов после чистки. Спрашивает, как я себя чувствую после операции.

- Нормально.

Врач что-то говорит о еде. Я, вспомнив свое состояние после удаления зубов, категорически возразила, что есть я вообще сегодня не буду. Не смогу. Доктор меня не понял, ему были неизвестны мои воспоминания, но промолчал и возражать не стал.

У меня еще действовал наркоз, челюсти меня не слушались, и мне невозможно было сплюнуть. Не знаю, по какой причине, но понято или переведено было все наоборот: меня приглашают опять к креслу и дают чистой воды прополоскать рот. Мне пришлось делать то, что я совсем не могла сделать на тот момент.

Далее доктор спрашивает про жилье.

- Сегодня утром разбила бокал.

Сразу выпалила то, что хотела скрыть. Оказалось, что разбитый бокал - это не повод для беспокойства. Важно, как я устроилась.

- Нормально.

Я решила отвечать этим словом, чтобы было понятно и без перевода.

Петер Варга сам сидит за компьютером, не прибегая к помощи секретарей. Он составляет и распечатывает мне счет-гарантию. Я расплачиваюсь. Спрашиваю, когда заплатить за жилье? Потом спрашиваю:

- Можно ли завтра идти купаться?

- Лучше послезавтра.

В мою очередь доктор спрашивает меня, езжу ли я на велосипеде, и, получив положительный ответ, обещает предоставить мне велосипед для поездок в купальни. Потом говорит, что через 5 минут зайдет за мной, чтобы показать мне город.

- Я уже вчера его весь обошла и все видела.

Когда речь заходит о том, все ли было хорошо во время операции, делюсь своими впечатлениями:

- Когда вы показали мне имплант, мне стало немножко не по себе, лучше бы Вы мне его не показывали. И вообще мне во время сверления языком хотелось дотронуться до инструмента, я еле сдерживалась. А сейчас от волнения у меня заболели верхние зубы, которые Вы не лечили. Весь ряд сразу.

Смеется. Предупреждает, чтобы я не боялась, когда почувствую во рту выступающие части имплантов.

- Потом этого не будет.

Заветное «потом» - это «голливудская улыбка» - ряд ровных белых зубов.

- А у меня действительно все зубы будут белые?

Даже со второй попытки перевода, вряд ли он понял, что под словом «белые» я имела в виду именно «голливудскую улыбку». Но жду ответа.

- Да, будут.

На завтра он мне назначает прием на 9 часов (по московскому времени 11 часов) и говорит о лечении зуба в левой верхней челюсти.

Все это время меня по-прежнему мучает вопрос, нужно ли извиняться за то, что меня так долго ждали с утра. Я по-прежнему не нахожу для себя на него ответа. От этого волнуюсь. И высказываю им свое волнение:

- Все-таки все произошло очень неожиданно. Я морально совсем не была готова. Я даже не знаю, сколько времени. Нам в самолете не говорили, на сколько надо перевести часы.

- На два часа разница.

Теоретически я, конечно, знала, но все равно была не настроена.

Я понимала, что в самолете австрийской компании, следующим до Вены, никто не будет по-русски говорить о разнице в часовых поясах между Москвой и Венгрией, но не могла остановиться и, ища для себя оправдания, дважды повторила этот аргумент в свою защиту.

- Так даже лучше, что не предупредили, а то бы Вы стали бояться.

С этим не поспоришь. Успокаиваюсь. Благодарю доктора и переводчика. И через парадный вход возвращаюсь к себе.

Итак, я еще не успела собраться с мыслями и сформировать все интересовавшие меня вопросы об имплантации, а мне уже все 6 имплантов были вживлены. Времени на это потребовалось менее, чем на удаление одного из этих зубов.

Отзыв Ирины З.

У меня еще не просохли вымытые с утра волосы, которые я не успела высушить феном, а меня уже прооперировали. Кстати, корни этих волос величиной в 2 см мне накануне поездки красили с 11 до 18 часов, но результатом я осталась недовольна. Что же, и к парикмахеру тоже ездить за границу? Смотря на себя в зеркало, я не видела и не чувствовала в себе никаких изменений, которые бы меня беспокоили. Лишь немного размазалась тушь в углах глаз от прорези в стерильной салфетке. И все. Наркоз незаметно проходил.

Счет-гарантию, которую мне выписал доктор, а я оплатила, сравниваю с предварительным планом. Полностью совпадают. В это трудно поверить. Поэтому, вот копии обоих счетов. Стоимость на 30-40% меньше, чем мне обозначали у нас, хотя окончательной цены до завершения лечения мне никто так у нас и не называл.

Через 5 минут доктор на своей машине показывает город: ресторанчики, магазины, термальные источники, площадку для гольфа. Я слушаю, но задаю вопросы с позиции своего жизненного опыта.

- Вы играете в гольф?

- Никогда не играла. Только на велосипеде езжу.

Именно сейчас меня волнует вопрос, будет ли у велосипеда, который он мне предоставит, замок, и смогу ли я его спокойно оставлять?

- Да, замок будет.

Ради приличия с целью поддержать беседу интересуюсь:

- А холмики и пригорки на поле для гольфа искусственные?

- Да, искусственные.

- Везде гладкая поверхность, а там холмики.

Свое умиление сопровождаю жестами. Более на светскую беседу меня не хватает. Если уж мне сделали операцию так стремительно и быстро, что перед ее началом я даже не успела развеять все сомнения, внушенные мне нашими врачами, то, по крайней мере, о возможных последствиях я должна все подробно расспросить. Была у меня одна знакомая «доброжелательница», с которой я порвала еще до того, как вырвать зубы, но от которой осталось много страшилок в моей голове на разные темы. В частности, о последствиях моей операции: заденут нерв, перекосит все лицо и сведет на бок челюсть. С трепетом в голосе задаю свои вопросы доктору. Он отвечает кратко «нет» и смеется. Мне весь день не до смеха: только анализирую факты и сопоставляю их со своим жизненным опытом.

- Ведь, если бы что-нибудь было не так, то уже перекосило бы? Когда это может случиться: сразу после операции или потом?

- Все будет хорошо.

Мне не оставалось ничего другого, как полностью успокоиться и в это окончательно поверить.

Я возвращаюсь домой, разбираю постель и с твердым намерением исполнить все рекомендации врача ложусь, приложив к обеим щекам завернутые в полотенце куски льда. Как бы я ни старалась, больше часа не выдерживаю. Ну, представьте, мыслимое ли дело, здоровому, сытому, полному сил человеку лежать на кровати в теплый солнечный день? Для меня это оказалось невыносимой мукой. Одеваюсь, спрашиваю в клинике разрешения, можно ли мне сходить погулять, а не лежать, как было предписано. Мне уже дали велосипед. Я катаюсь на нем до вечера по окрестностям.

Наркоз отошел также безболезненно и незаметно, как и начал действовать. Часа через три после операции, к немалому своему удивлению, я уже прекрасно могла есть. Забыто обещание не есть сладкого. В одной из литровых бутылок оказался малиновый сироп. При покупке я его спутала с соком. Мороженое с этим сиропом было обязательным блюдом в моем ежедневном рационе.

Основная цель моей поездки была удачно достигнута в самом ее начале. Все время у меня оказалось свободным для отдыха. Причем отдых, на который я, по правде говоря, совсем не рассчитывала, начался с первого дня, и был таким глубоким и плодотворным, какого я никогда ранее не ощущала. Какой бы не была хорошей погода, интересным план мероприятий, благоустроенным быт, всегда оставались в голове какие-то вопросы (бытовые, производственные или какие-нибудь еще), которые не покидали и требовали решения. Здесь же все 10 дней моего пребывания меня не волновало ничего. Я отдохнула каждой клеточкой своего подсознания. И все это благодаря тем ярким впечатлениям, которые я получила от так удачно, быстро и стремительно проведенной Петером Варгой операции. Я была абсолютно счастлива в том день, осознав, как мне повезло. Уже поздно вечером, устав от катания на велосипеде, задремав, я раза три просыпалась, потому что хотелось, чтобы этот день как можно дольше не заканчивался.

Вторник.

Ровно в 9 часов без завтрака и без опозданий прихожу на осмотр. «Контроль», - как говорит доктор. С деснами все хорошо. Потом он занимается одним из зубов, на месте которого в апреле должна быть установлена циркониевая корона. До этого я сама много занималась этим зубом. Обращалась к врачам, они лечили, как умели. В результате их усилий и моих денег, зуб представлял печальное зрелище. На нем стояли две пломбы разного цвета, отличного от цвета самого зуба, сбоку был треугольный скол, а сзади торчал металлический штифт. Зуб был верхний передний. С этим очарованием Петер Варга смириться до апреля не смог. Нерв был давно удален. Очень быстро, без укола и без болезненных ощущений на месте того, что у меня было, появился обычный ровный одноцветный зуб, который он мне показывает в зеркало.

- Это от меня подарок.

Видя состояние моих десен, доктор разрешает мне не принимать таблетки (кроме Augmentin Duo). Накануне, увлекшись ездой на велосипеде, я все перепутала и забыла о часе их приема. О том, чтобы лежать со льдом не было и речи.

- Сегодня я уже пойду купаться.

- Можно.

Показываю на припухлость щеки (такого отека, как после удаления зубов, у меня не было).

- Это пройдет.

- Когда пройдет? Через три дня?

- У всех по-разному. Среда.

На третий день после операции при очередном осмотре, который также был назначен на 9 часов утра по местному времени, доктор спросил, как мои дела.

- Нормально.

Он посмотрел на мои десны:

- Очень хорошо. Отлично. Чудесно.

Чем-то их протер, после чего я прополоскала рот. И вдруг почувствовала какое-то неприятное ощущение в верхней десне. Петер Варга сказал, что поставит мне еще две пломбы.

- Так это был укол?

- Да, укол.

И тогда я заметила в его руке шприц, который уже был ему не нужен. Он мне ставит по пломбе на два передних верхних зуба.

Спрашиваю:

- Сколько я Вам должна?

- Нисколько. Они маленькие.

- Тоже подарок?

- Да, подарок.

На четверг мне приема не назначают.

В среду я вспомнила про лед, потому что припухлость щеки не проходила. Под платаном у бассейна я проспала целый час, приложив к обеим щекам, завернутые в полотенце куски льда. В этот день я также еще раз приняла таблетки, кроме обезболивающих. На этом мое лечение и

закончилось. Невольно возникал риторический вопрос: что у нас все врачи вредители что ли? Но он меня уже не волновал, и проплыл высоко над головой как маленькое беленькое облачко. Я полностью сосредоточилась на отдыхе: в 9 часов шла на контрольный осмотр к Петеру Варге, потом гуляла, в 10 часов шла на массаж спины, затем не спеша часа полтора завтракала и уезжала на велосипеде на вторую часть дня в термы, из которых возвращалась уже затемно. Затем шла в ресторан ужинать и ложилась спать.

Так приятно и безмятежно проходили дни. Я была в полной гармонии с собой, с природой и с окружающим миром. Сделала для себя еще одно открытие: оказывается можно жить, не смотря на часы, никуда не торопиться и при этом везде успевать и иметь времени с избытком.

Ну, должен же быть где-то подвох! С целью его выявить к пятнице для доктора готовлю ряд вопросов.

Пятница.

Припухлость щеки исчезла. Доктор пытается шутить:

- Во вторник уже можно снимать швы.

- Во вторник у меня самолет.

Я не верю, что при такой четкой организации моего приема и лечения он мог забыть даты моего пребывания. Так что шутка не удалась.

- Тогда в понедельник.

Самое время приступить к выявлению подвоха. Задаю приготовленные вопросы. Доктор в очередной раз на макете разъясняет суть проведенной операции.

- А из какого материала мои импланты?

- Из титана.

Ответ меня вполне устроил. Тогда, может быть, у меня их не шесть?- Ведь я не все шляпки чувствую языком. Прошу показать мне рентгеновский снимок, сделанный после операции. Снимок называю «фото». В руках доктора появляется фотоаппарат, он фотографирует все три прооперированных участка моих десен, сбрасывает фотографии на компьютер и приглашает меня на них посмотреть. Я такого поворота никак не ожидала и смутилась. Когда я увидела выражение глаз его медсестры, наблюдавшей за всем этим мероприятием, то смутилась еще больше. Но быстро беру себя в руки и решительно заявляю, что хотела бы посмотреть фото имплантов на рентгеновском снимке. Дополнительно вопрос разъясняю жестами рук. Мне показывают снимок.

- Почему одни тоненькие, а другие такие толстые?

Оказывается от того, что я сдвинулась во время рентгена. Вспоминаю, что так оно и было. Челюсть была под наркозом и я ею в полной мере не управляла. Предлагают переделать снимок. Я отказываюсь. Однако, вспоминаю, что в предварительном плане лечения было предусмотрено установить все шесть имплантов Семадос 3.75 2+, а установлены: пять имплантов Семадос 4.5 2+ и только один – 3.75 2+. Обращаюсь к доктору за разъяснениями о причине замены.

- Это лучше. Десны у тебя крепкие.

3.75 2+ установлен на месте того зуба, который я потеряла самым первым много лет назад. Все логично. На этом месте десна сильно окостенела и сузилась. Доктор имеет право делать изменения в лучшую для пациента сторону – этот пункт я сама подписывала в соглашении на лечение. А вот то, что десны у меня крепкие – это для меня новость. Мне всегда наши врачи внушали прямо противоположное. Оказывается, может быть все хорошо и без всякого подвоха.

В субботу и воскресенье клиника не работает. Понедельник.

Это последний день, последний прием.

Петер Варга уже не спрашивает меня ни о чем. Видимо ему надоело слышать в ответ одно и то же слово «нормально». Смотрит на мои десны и говорит:

- Все красивое.

Нужно отдать ему должное и в этом. Швы, которые он наложил, были исполнены ровно, аккуратно, с захлестом, а не через край, как наложил мне наш хирург.

Затем происходит снятие швов. Я не чувствую при этом ни прикосновения инструмента, ни движения ниток.

Прошу распечатать на память рентгеновский снимок с имплантами. Мне его сбрасывают на электронную почту.

Далее согласовываем сроки проведения третьего последнего этапа лечения – установки самих зубов в апреле 2012 года. На этот раз за полгода прошу точно указать мне дату и время приема, чтобы больше никого не заставлял себя ждать.

Петер Варга говорит, что завтра в 8 часов утра за мной приедет машина, чтобы доставить меня в аэропорт. Уточняю, должна ли я за нее платить?

- Нет. Это я предоставляю транспорт.

Транспорт от аэропорта до клиники и обратно бесплатно предоставляется Петером Варгой, как и обещано на сайте. Причем транспорт очень комфортабельный.

Заклучение.

Неожиданно для меня самой еще одно неординарное событие, связанное с лечением моих зубов, произошло со мной по дороге от Домодедова до Павелецкого вокзала в аэроэкспрессе.

Вагон был полон народу. Справа от меня сидела пара французов, которые почти все время молчали, а слева – две женщины: у окна постарше из Магадана, а в середине совсем молодая из Белоруссии. Они разговаривали между собой.

Та, что из Магадана отдыхала сначала в Эмиратах, потом в Сочи, теперь едет к знакомым в Москву. Девушка из Белоруссии ехала домой на сессию из Египта, где уже несколько лет работала сначала горничной в отеле, затем продавщицей в больнице сумок. Достоверность ее слов подтверждал большой кожаный чемодан черного цвета, один из тех, какие мне также приходилось там видеть. Больше всего ей быстрее хотелось вернуться обратно. Мне неинтересно было их слушать – я сама была и в Эмиратах, и в Сочи, и даже в Белоруссии и не один раз. Исключение составлял Магадан. Сразу вспомнилась песня Высоцкого о Ногайской бухте. Спрашиваю о том, какая там сейчас жизнь. Но девушке из Белоруссии неинтересно слушать про Магадан. Она задает мне вопрос о том, откуда возвращаюсь и где была я.

- Мокла в термальных источниках Европы. Но это была не главная цель моей поездки. Дополнительно рассказываю о лечении зубов. Послушав меня, девушка из Белоруссии спрашивает «как зовут врача», достает чистый лист формата А4 и записывает имя доктора в верхней части листа четким почерком, обводя буквы по несколько раз.

- О нем Вы все найдете легко в интернете. Но только зачем Вам это нужно? Неужели у вас уже есть проблемы с зубами и Вам надо устанавливать имплантанты в таком молодом возрасте?

- Нет. На будущее.

Я очень удивилась тому рвению, с каким она записала имя доктора. Но со словами о будущем полностью согласна. Именно ради будущего (чтобы иметь зубы, а не проблемы с их лечением) я и поехала в Венгрию к Петеру Варге. В результате его лечения у меня останутся только мои здоровые зубы и те, которые установит он сам. Все остальные будут заменены. На свое лечение он дает письменную гарантию на 7 лет. Это значит, что при хорошем уходе они прослужат гораздо дольше, Тому, что моя поездка смогла реально осуществиться, я обязана только сотрудникам [...], где мне помогли ее организовать:

- оформить все документы;

- открыть шенгенскую визу на весь период лечения с сентября 2011 года по апрель 2012 года;

- заблаговременно купить авиабилеты по льготной цене в два раза дешевле, чем они стоили в другое время;

- составить весь маршрут следования без накладок в удобное дневное время.

Особенную благодарность хочу выразить директору [...] Ирине [...] за оказанную помощь [...] Владимиру [...] за информацию и моральную поддержку.

С уважением, Ирина.

=====